

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го сентября.

№ 18-й.

1865 года.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

I.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали вѣдѣніе Правительствующаго Сената, отъ 30 Апрѣля сего 1865 года за № 23813, о томъ, что едно Губернское Правленіе вошло въ Правительствующій Сенатъ съ представленіемъ, коимъ испрашиваетъ разрѣшенія по возбужденному вопросу о томъ, на чей счетъ должны быть принимаемы прогонныя и матеріальныя деньги, употребляемыя землемѣрами губернскаго вѣдомства, при исполненіи дѣлъ по церковнымъ и монастырскимъ землямъ, а также и при отводѣ кладбищъ. Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ сіе представленіе, находитъ, что въ отношеніи возмѣщенія прогонныхъ и матеріальныхъ денегъ, употребляемыхъ землемѣрами при отводѣ кладбищъ, не можетъ быть сомнѣнія. Такъ какъ кладбища отводятся для городскихъ или сельскихъ обществъ, то означенные расходы, на основаніи 167 ст. св. меж. зак. (т. X, част. III.) и ст. 914 ус.

врач. (т. XIII. изд. 1857 г.) должны быть относимы на то общество, для коего отводится кладбище. Что же касается до возмѣщенія тѣхъ же издержекъ по землямъ церковнымъ и монастырскимъ, то здѣсь необходимо различать, во 1-хъ, свойство церковныхъ и монастырскихъ земель, до коихъ относятся дѣйствія землемѣровъ, и во 2-хъ, тѣ случаи, въ коихъ таковыя дѣйствія бываютъ необходимы. Земли, какъ церкви, такъ и монастырей, равно Архіерейскихъ домовъ, бываютъ двоякаго рода: одни отводятся церквамъ отъ прихожанъ и монастырямъ или Архіерейскимъ домамъ отъ казны, въ пропорціи, межевыми законами опредѣленной; другія же могутъ принадлежать симъ духовнымъ учрежденіямъ по прежнимъ дачамъ, или повѣйшимъ укрѣпленіямъ. Къ монастырямъ, равно къ Архіерейскимъ домамъ, земельныя угодья назначаются отъ казны по распоряженію, чинами сего вѣдомства, а по тому въ межевыхъ дѣйствіяхъ землемѣровъ губернскаго вѣдомства, при отводѣ угодій къ монастырямъ и Архіерейскимъ домамъ, не встрѣчается надобности. Отводъ же земель къ церквамъ въ узаконенную пропорцію составляетъ обязанность прихожанъ церкви; а потому на нихъ же должны быть относимы и всѣ издержки, какія потребны при первоначальномъ отводѣ земли. Правильность сего заключенія явствуетъ изъ того, что узаконенная пропорція церковной земли должна бы быть отводима прихожанами при самомъ устройствѣ церкви и образованіи прихода, т. е. въ то время, когда церковь или еще не построена, или хотя и построена, но еще не имѣетъ ни церковныхъ суммъ, ни церковнаго причта и, когда по сему издержки по отводу земли не могутъ быть отнесены ни на счетъ самой церкви, ни на счетъ церковнаго причта. Если же отводъ или дополненіе узаконенной пропорціи иногда дѣлается уже къ существующей церкви, то сіе бываетъ, по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, по неисполненію прихожанами обязанности своей по надѣленію церкви землею въ свое время. За симъ, такъ какъ церкви, Архіерейскіе дома и монастыри, отведенными имъ отъ прихожанъ или отъ казны землями,

послѣ отвода и сдачи имъ таковыхъ установленнымъ порядкомъ, равно какъ и принадлежащими имъ по прежнимъ дачамъ и разнаго рода повѣйшимъ укрѣпленіямъ угодьями, пользуются, по содержанію 295, 311 и 312 ст. IX Т. Зак. о сост., на одинаковомъ основаніи съ владѣльческими дачами, то и въ отношеніи возмѣщенія издержекъ по межевымъ дѣйствіямъ землемѣровъ губернскаго вѣдомства должны подлежать общимъ правиламъ съ землями, составляющими частную владѣльцевъ или общественную городовъ и селеній собственность, по различію случаевъ, въ коихъ возникаетъ потребность въ межевыхъ дѣйствіяхъ. Случаи сіи бываютъ: а) при возобновленіи засорившихся границъ и повредившихся межевыхъ признаковъ, по желанію церковныхъ причтовъ или начальства Архіерейскихъ домовъ и монастырей; б) при судебномъ разбирательствѣ споровъ о границахъ съ смежными владѣльцами въ дачахъ обмежеванныхъ (Т. X. Ч. II Зак. суд. гражд. ст. 851); в) при специальномъ размежеваніи земель, замежеванныхъ по планамъ генеральнаго размежеванія въ общее владѣніе (Т. X. Ч. III. Зак. меж. ст. 751 и 782), и г.) при разграниченіи церковныхъ земель въ номѣщичьихъ имѣніяхъ на основаніи Высочайше утвержденнаго 26 ноября 1862 года мѣнія Государственнаго Совѣта. Въ первомъ изъ сихъ случаевъ всѣ издержки по межевымъ дѣйствіямъ, конечно, должны быть относимы на счетъ того духовнаго учрежденія, т. е. церкви, Архіерейскаго дома или монастыря, по требованію коего тѣ дѣйствія производились; во второмъ случаѣ, на основаніи 167 ст. св. меж. зак. и прим. къ ней, должны подлежать взысканію съ виновныхъ; въ третьемъ, по ст. 1089 т. III уст. служ. Прав., со всѣхъ владѣльцевъ дачи и, наконецъ, въ послѣднемъ, на точномъ основаніи вышеприведеннаго мѣнія Государственнаго Совѣта, на счетъ стороны, заявившей требованіе относительно разграниченія земель. По симъ соображеніямъ Правительствующій Сенатъ, согласно съ заключеніемъ Святѣйшаго Синода и мѣніемъ Министра Финансовъ, опредѣляетъ: въ разрѣшеніе представленія Губернскаго Правленія, дать

знать сному, что прогонныя и матеріальныя деньги, употребляемыя землемърами губернскаго вѣдомства, должны быть относимы: при отводѣ кладбищъ къ городамъ или селеніямъ—на городскія и сельскія общества; при отводѣ къ приходскимъ церквамъ земель въ узаконенную пропорцію—на общество прихожанъ церкви; при межевыхъ дѣйствіяхъ по дачамъ церквей, Архіерейскихъ домовъ и монастырей, какъ отведеннымъ въ положенную межевыми законами пропорцію, такъ и принадлежащимъ имъ по разнымъ укрѣпленіямъ, на означенныя духовныя учрежденія, или на общихъ и смежныхъ владѣльцевъ, на вышеизложенныхъ основаніяхъ. Приказали: О вышеизложенномъ постановленіи Правительствующаго Сената дать знать по Духовному вѣдомству печатными указами, для свѣдѣнія и руководства въ потребныхъ случаяхъ. Августа 10 дня 1865 года.

II.

ИЗВѢСТІЯ.

По представленію Нижегородской Духовной Консисторіи отъ 2-го іюля 1865 г., утвержденному Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Нектаріемъ Епископомъ Нижегородскимъ и Арзамасскимъ:

I. Награждены набедренниками:

а) За обученіе поселянскихъ дѣтей: Арзамасскаго уѣзда села Ивановскаго священ. Александръ Фіаловъ, села Краснаго священ. Іоаннъ Покровскій, Семеновскаго уѣзда села Воробьева священ. Іоаннъ Формозовъ, Макарьевскаго уѣзда села Ленькова священ. Викторъ Доброславинъ, Ардатскаго уѣзда села Старой Велетьмы священ. Петръ Граціановъ, Княгининскаго уѣзда села Андрейкова священ. Алексій Кармазинскій; б) за прохожденіе должности наставниковъ и законоучителей въ сельскихъ училищахъ: Лукоянов-

скаго уѣзда села Ильинскаго священ. Павелъ Гонорскій, Горбатовскаго уѣзда села Ярымова священ. Алексій Знаменскій, Васильскаго уѣзда села Воротынца священ. Михайлъ Бѣлавинъ, и в) Нижегородскаго уѣзда села Борисова-Поля священ. Евграфъ Спасскій, за долговременное прохожденіе пастырской должности и за прохожденіе депутатской, села Терюшева священ. Θεодоръ Спасскій за долговременное при честномъ поведеніи пастырское служеніе, Лукояновскаго уѣзда села Кріуши священ. Петръ Яблонскій, за ревностное проповѣданіе Слова Божія, Горбатовскаго уѣзда села Новинокъ священ. Θεранонтъ Виноградовъ, за долговременное пастырское служеніе, города Балахны Богородице-Рождественской церкви священ. Павелъ Орловскій, за долговременное пастырское служеніе и за прохожденіе должности духовника, Лукояновскаго уѣзда села Рождествена священ. Василій Амасійскій за долговременное прохожденіе депутатской должности.

II. Изъявлена благодарность епархіальнаго начальства со внесеніемъ въ послужные списки:

а) За обученіе поселянскихъ дѣтей: Нижегородскаго уѣзда села Новаго священ. Григорію Добротину, Арзамасскаго уѣзда села Выѣздной-Слободы священ. Николаю Сахарову, Семеновскаго уѣзда села Худякова священ. Василю Добронравову, Макарьевскаго уѣзда села Мазы священ. Алексію Разумову, Лукояновскаго уѣзда села Ульяновки священ. Александру Миловскому, села Никитина священ. Іоанну Раевскому, села Протасова священ. Стефану Смирнову, села Аттигеева священ. Павлу Лебедеву, села Дивьева-Усада священ. Александру Фигурову, Горбатовскаго уѣзда села Клещарихи священ. Василю Покровскому, села Абабкова священ. Алексію Травину, Балахнинскаго уѣзда села Василевой-Слободы священ. Петру Вѣнскому, Сергачскаго уѣзда села Чукаль священ. Матею Листову, Княгининскаго уѣзда села Папулова священ. Іоанну Нечаеву, Нижегородскаго уѣзда села Сарлей священ. Михайлу

Яблонскому, села Таможникова свящ. Владиміру Востокову, села Гридина свящ. Филипу Царевскому, села Крутца свящ. Павлу Серебровскому, Арзамасскаго уѣзда села Бестужева свящ. Василию Алаеву, села Хохлова свящ. Іоанну Левашеву, села Кожина свящ. Іоанну Аристову, села Щедровки свящ. Михаилу Прудовскому, села Кержемка свящ. Александру Невскому, села Старого-Иванцева свящ. Іоанну Троицкому, села Вечкусева священ. Павлу Сперанскому, села Мотовилова священ. Андрею Минервину, Семеновскаго уѣзда села Богоявленскаго свящ. Василию Троицкому, Ардатовскаго уѣзда села Ризадѣева свящ. Евгению Синаеву, села Кузятова священ. Дмитрію Никольскому, села Автодѣева свящ. Іоанну Васильеву, села Сарминскаго-Майдана свящ. Дмитрію Снѣгиреву, города Балахны Знаменской церкви свящ. Матвѣю Перитскому, Сергачскаго уѣзда села Большаго-Андосова свящ. Григорію Нестерову, села Столбищъ свящ. Василию Богданову, Васильскаго уѣзда села Быковки свящ. Θεодору Глазкову, Лукояновскаго уѣзда села Большаго Маресева дьячку Θεофану Сигрианскому, села Яза діакону Михаилу Полетаеву, заштатнаго города Починокъ Крестовоздвиженской церкви дьячку Ивану Тихову, села Ичалокъ діакону Іоанну Шѣвницкому, Ардатовскаго уѣзда села Бѣговатова діакону Владиміру Зефирову, села Замятина дьячку Ивану Виоградову, села Успенскаго пономарю Алексѣю Комарову, села Верякушъ пономарю Θεодору Сперанскому, Васильскаго уѣзда села Хмѣлевки діакону Стефану Флерову, села Кекина пономарю Павлу Масловскому, села Быковки діакону, а нынѣ Медвѣдскаго Покровскаго единовѣрческаго монастыря священ. Василию Агніеву, села Чугуновъ діакону Семену Любимцеву, онагожъ села пономарю Александру Петропавловскому, Балахнинскаго уѣзда села Катунюкъ Рождественской церкви діакону Василию Кроткову, Сергачскаго уѣзда села Чукаль священ. Іоанну Цедринскому, села Лапи священ. Николаю Предтеченскому, Арзамасскаго уѣзда села Чуфарова діакону Іоанну Потопаеву, села Вечкусева діакону Василию Мизеровскому, села Кожина

дьячку Ивану Яковлеву, онагожъ села пономарю Виктору Лавровскому: Нижегородскаго уѣзда села Богоявленья свящ. Іоанну Кроткову, онагожъ села діакону Василию Славницкому, села Вередѣева діакону Ивану Соколовскому, села Крутца дьячку Василию Серебровскому, села Аѳанасьева дьячку Матвѣю Румянцеву, Киягининскаго уѣзда села Вельдеманова свящ. Іоанну Зерновскому, села Игнатова священ. Михаилу Голубицкому, села Крутца священ. Владиміру Яворскому, Сергачскаго уѣзда села Нутошки діакону Θεодору Смирнову, села Чукаль дьячку Ивану Макову, села Молчанова дьячку Ивану Вознесенскому, Лукояновскаго уѣзда села Ново-Александровки свящ. Сергію Ласточкину; б) за прохожденіе должности законоучителя и паставника въ сельскихъ училищахъ: Васильскаго уѣзда села Сущева свящ. Василию Слободскому, Ардатовскаго уѣзда села Верхнежелѣзницкаго завода свящ. Дмитрію Щеглову, Васильскаго уѣзда села Сумокъ свящ. Михаилу Востокову, Ардатовскаго уѣзда села Илевскаго завода діакону Іоанну Петропавловскому; в) за долговременное пастырское служеніе: Макарьевскаго уѣзда села Троицкаго свящ. Дмитрію Богородскому и села Нестиара свящ. Григорію Полетаеву, Горбатовскаго уѣзда села Теряева свящ. Никандру Макову; за ревностное преподаваніе слова Божія: Лукояновскаго уѣзда села Большаго-Маресева свящ. Льву Кудрявцеву; за честную священническую службу и доброе поведеніе: Васильскаго уѣзда села Сосновки священ. Николаю Софійскому, за доброе поведеніе и честную службу села: Вершинина свящ. Θεодору Лебединскому и села Долгаго-Поля свящ. Михаилу Колосовскому.

На основаніи указа Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 31 Октября 1851 г. за № 12578, Преосвященнѣйшій Александръ Викарій Литовской епархіи, отзываетъ отъ 24 апрѣля сего года за № 3249, просилъ Преосвященнѣйшаго Нектарія, Епископа Нижегородскаго и Арзамасскаго, о высылкѣ въ литовскую епархію, если

можно, пяти человекъ, окончившихъ курсъ ученія воспитанниковъ Нижегородской семинаріи, надежныхъ по способностямъ и благоповеденію, для занятія наставническихъ мѣстъ. Такъ какъ въ настоящее время настоятъ необходимая надобность въ скоромъ замѣщеніи наставническихъ мѣстъ болѣе какъ на 40 сельскихъ училищъ въ сей епархіи; то по сему литовская духовная консисторія покорнѣйше честь имѣетъ просить таковую жь Нижегородскую ускорить распоряженіемъ на счетъ высылки въ сію консисторію для прописанной цѣли соотвѣтственныхъ кандидатовъ съ надлежащими о нихъ свѣдѣніями. По поводу сего отношенія Нижегородскою консисторіею опредѣлено: съ прописаніемъ сего сообщенія, для объявленія окончившимъ курсъ семинарскихъ наукъ воспитанникамъ, припечатать въ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ, съ тѣмъ, чтобы благочинные отъ желающихъ поступить въ Литовскую епархію для занятія наставническихъ въ сельскихъ училищахъ должностей взяли отзывы и оныя немедленно представили въ Консисторію при репортахъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Постановленія и распоряженія Правительства. — Извѣстія.

Дозволено цензурой. 6-го сентября 1865 года.

нижній-новгородъ; въ губернской типографіи.

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

15-го сентября.

№ 18-й.

1865 годъ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

О ЧЕРКИ

ИЗЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГІИ.

(Продолженіе.)

III.

Прежде всего взоръ первобытнаго человека былъ пораженъ безграничнымъ пространствомъ неба, этимъ необъятнымъ, чуднымъ царствомъ свѣта. Обожаніе неба уходитъ въ самую отдаленную эпоху кочевой жизни народа, когда предъ нимъ быстро смѣняются всѣ явленія природы и одно только глубокое небо остается неизмѣннымъ, не разлучнымъ спутникомъ его неугомонаго движенія. Съ полнымъ чувствомъ вездѣ присутствія въ природѣ одной божественной силы, славянинъ задумывался надъ многоразличными, особенно поразительными явленіями

неба, откуда лились живительный свѣтъ и теплота. И вотъ въ чувствѣ благоговѣнія онъ прежде всего повергся предъ небомъ. «Ты, небо, видишь; ты, небо, слышишь, что хочу я сдѣлать», взывалъ онъ въ своихъ языческихъ заговорахъ—молитвахъ. Такъ явился *Сварогъ*, первое верховное божество славянъ, божество небеснаго свѣта и пространства. (1)

Вѣрованіе въ Сварога составляетъ первую степенъ славянскаго многобожія, корнями своими оно доходитъ до древнѣйшей индоевропейской эпохи; оно коренится въ древнемъ почитаніи, которое индѣйцы воздавали своему свѣтлому Варунѣ, отъ котораго происходитъ греческій Ураносъ. Въ Ипатьевской лѣтописи находимъ классическое мѣсто о Сварогѣ, какъ о восточномъ родоначальникѣ славянорусскихъ боговъ. «И бысть во потоу и по раздѣленіи языкъ поча царствовати первое Месромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія, по немъ Θεоста, иже и Сварога нарекоша Егуштяне, прозваша и богъ сварогъ; и по семъ царствова сынъ его именемъ, солнце, его же наричуть Даж-богъ, солнце царь, сынъ Свароговъ.»

На небѣ видны особенныя средоточія свѣта и тепла; тамъ одно за другимъ проходятъ разныя свѣтловыя явленія. Все это разнообразіе неба выражалось однимъ общимъ предтавленіемъ о Сварогѣ. Но анализъ не остановился на этомъ отдѣленіи Сварога отъ природы; онъ шелъ далѣе, и разграничилъ, отдѣлилъ одно отъ другаго и разныя свѣтловыя явленія, также явленія теплоты. Славянинъ язычникъ видѣлъ на небѣ средоточіе свѣта и тепла въ солнцѣ, видѣлъ, какъ свѣтлая стихія проявлялась въ молніи, небесной огнѣ. Для всѣхъ подобныхъ явленій, которыя онъ подмѣчалъ въ своемъ наблюдательномъ благо-

(1) Буелавъ объясняетъ названіе Сварога изъ Санскритскихъ словъ: *свар* — небо, отъ *сур* — свѣтить, блистать, и *и* — ходить (иѣмецкое *делен*, латинское *со*).

говѣніи предъ природою, онъ создалъ новыхъ божественныхъ представителей. Личность Сварога стала дробиться, какъ прежде раздробилась личность единого Бога. На древнемъ миѣическомъ языкѣ это выражалось тѣмъ, что Сварогъ раждаетъ дѣтей. Это перенесеніе на него первобытныхъ родовыхъ понятій есть единственная черта, которая указываетъ на личную жизнь этого древнѣйшаго божества. Объ немъ нѣтъ еще ни одного миѣа. Дѣтьми Сварога, Сварожичами, были: *Дажбогъ*—солнце (2), о которомъ говоритъ приведенное сей часъ мѣсто Ипатьевской лѣтописи, и Огонь. Въ одномъ древнемъ поученіи, обличавшемъ язычество, читаемъ: «и огневи молятся, зовуть Сварожичемъ». Въ малороссіи огонь до селѣ называется богачъ, сынъ Бога (богович).

Для поэтической фантазіи народа дитяти солнце не было небеснымъ тѣломъ, которое своимъ видимымъ движеніемъ производитъ годовыя и суточные перемѣны; для нея солнце было свѣтлымъ божествомъ Дажбогомъ, который иначе назывался *Хорсомъ*. (3) «Подобно тому, какъ Германцы представляли солнце окомъ Вудана, которымъ онъ смотритъ на землю чрезъ небесное окно, и Славяне, по свидѣтельству слуха о Голубиной книгѣ, производили солнце отъ лица божія. Сербы называли востокъ «прозоромъ Божиимъ». Вотъ наступаетъ утро, и свѣтлый Дажбогъ выглядываетъ въ окно на восточномъ небосклонѣ на всю широту земную и на дѣла людей. Не простымъ дѣтскимъ приѣмъ, а благоговѣйной молитвой была для славянина извѣстная пѣсня, которую дѣти поютъ въ осенній день, обращаясь къ небу, заволоченному облаками: «Солнышко, ведрышко! Выгляни въ окошечко!..» Утренняя заря, «заря зоринька, заря солнцева сестрица», какъ называютъ ее одна пѣсня, выводитъ бѣлыхъ коней Даж-

(2) *Даж* происходитъ отъ санскритскаго *даи* день

(3) *Хорс* имѣетъ корнемъ: *хре*, *хрис*, *крис*,—восточное *корене*, солнце.

бога, и онъ—великій Хорсъ, юноша необыкновенной красоты, ѣдетъ по небу въ своей колесницѣ подобно свѣтлому Геліосу Грековъ или Германскому Вуодану. Когда случалось солнечное затмѣніе, славянину представлялось, что какая нибудь злая сила дикимъ вепремъ или волкомъ прерыскала путь великому Хорсу, или съѣла его, или что его вѣдьма, злая чаровница, скрала съ неба и спря-тала въ свой рукавъ. Онъ исполнялся тогда суевѣрнаго ужаса и думалъ, какъ бы не погибла жизнь Дажбожихъ внуковъ—людей.

Переносъ на небо формы своего быта, славянинъ окружилъ своего Хорса огромною семьею. У солнца были сестры—заря утренняя и вечерняя, которыя называются иначе солнцевыми дѣвами, его прислужницами. Звѣзды представлялись дѣтьми Дажбога. Вотъ почему наши колядныя пѣсни сравниваютъ хозяина дома съ солнцемъ, жену съ мѣсяцемъ или на оборотъ, а дѣтей съ звѣздами частыми. Имъ какъ, и солнцу, приписывается преданіями сила жизни и плодородія. Въ половинѣ февраля овчари просятъ у звѣздъ плодородія овецъ: «засвѣтись звѣзда ясная по поднебесью на радость, загорись огнемъ нечашенымъ на утѣху. Ты освѣти, звѣзда ясная огнемъ негасимымъ бѣлоярыхъ овецъ. Какъ по поднебесью звѣздамъ нѣсть числа, такъ бы у раба (такого то) уродилось овецъ болѣ того.» По извѣстной примѣтѣ: много звѣздъ на небѣ въ святки къ урожаю. Такое оплодотворяющее вліяніе звѣздъ простиралось и на людей. Отъ того звѣзды покровительствуютъ свадьбамъ. 4 января дѣвушки выходятъ на дворъ примѣчать звѣзды и причитаютъ.

«Ай, звѣзды, звѣдочки!...

Засылайте сватей

По міру крещеному;

Состряпайте свадебку

Для міра крещенаго,

Для міра гостинаго,

Для красной дѣвицы,

Свѣтъ родимой (такой то).

Въ свадебныхъ пѣсняхъ звѣзды приглашаются сойти въ чашу брачную. Мѣсяць былъ также божествомъ; одна

Галицко-русская пословица прямо замѣчаетъ: «мѣсяць нашъ божокъ, а кто жъ намъ буде боговати, якъ его не стане?» Отношенія его къ солнцу очень неопредѣленны. У сербовъ въ пѣсняхъ онъ называется братомъ солнца и дядей его. У литовцевъ онъ мужъ солнца; пѣсня рассказываетъ, какъ Перунъ разсѣкъ его на двое за то, что онъ измѣнилъ солнцу и ночевалъ съ утренницею. По нашимъ преданіямъ солнце также иногда представляется женою мѣсяца, наприм. въ колядкахъ. Въ народѣ говорятъ, что оно, поворачивая на лѣто, рядится въ свой праздничный сарафанъ и кокошникъ; въ томъ же народѣ оно выѣзжаетъ на купалу на встрѣчу своему супругу-мѣсяцу, пляшетъ и разсыпаетъ по небу огненные искры. Г. Буслаевъ замѣчаетъ, что древнѣйшее названіе солнца—*свльнь*, сохранившееся въ словѣ—*посолонь*, рода женскаго. Представленіе его въ мужескомъ родѣ позднѣйшее, когда съ развитіемъ въ народѣ земледѣльческой жизни началось обоготвореніе земли; солнце стало тогда мужемъ матери сырой земли, оплодотворившимъ ее.

Славянинъ создалъ и особую страну, гдѣ живетъ солнце, куда оно уходитъ на ночь, куда удаляются его живительные лучи зимою. Лѣтопись Нестора знаетъ это «солнце мѣсто» гдѣ-то на восточной странѣ за моремъ. Чехи говорятъ, что тамъ вѣчное лѣто, что оттуда прилетаютъ къ намъ сѣмена и птицы. Въ малороссіи эта страна, куда на зиму улетаютъ птицы и насѣкомья, называется Вирій; объ Виріѣ читаемъ еще въ духовной Владиміра Мономаха: «сему ся подивуемы, яко птица небесная изъ ирья идутъ... да наполнятся лѣси и поля.» Наши народныя сказки помнятъ о счастливой странѣ вѣчной весны и о солнечномъ градѣ. Въ эту страну пужно ѣхать чрезъ широкое море; путь туда сторожить двѣнадцати-головый огненный змѣй. Тамъ растутъ золотыя сады съ золотыми яблоками, которыя клюетъ Жарь-птица, птица солнца, славянскій фениксъ. Тамъ поютъ райскія птицы. Рѣки текутъ серебромъ, и въ нихъ каждый день смотрится и умывается ясный мѣсяць. А княжить тамъ

царь-дѣвица, краше которой на свѣтъ нѣтъ. Припомните, что солнце въ старину было женскаго рода. Сказочный Ерусаланъ ѣздилъ за тихія воды, за теплыя моря къ царю *Огнеому Щиту* и *пламенному коню*; онъ пожигаетъ всѣхъ, кто къ нему приближается; его желчь даетъ зрѣніе слѣпымъ. Это тоже олицетвореніе огненнаго диска солнца. Въ объясненіе послѣдней черты припомнимъ, что стихъ о Голубиной книгѣ производитъ наши очи, зрѣніе отъ солнца. Нѣсколько подробностей о солнечной странѣ находимъ еще въ сказкѣ о трехъ царствахъ: золотомъ, серебряномъ и мѣдномъ.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что блескъ металловъ и свѣтъ свѣтиль и огня постоянно сближаются въ повѣрьяхъ и служатъ источникомъ разныхъ поэтическихъ подробностей въ мифахъ и вѣрованіяхъ. Солнце представляется *золотымъ* туромъ или конемъ, *Жарь-птицею* съ *золотыми* перьями; ѣздитъ солнце на *золотомъ*, *серебряномъ* и *бриллиантовомъ* коняхъ; живетъ тоже среди *золота* и *серебра*. Заря, красная дѣвица по заговорамъ сидитъ на *золотомъ* престолѣ, съ *серебрянымъ* блюдомъ въ рукахъ. Мѣсяцу даются эпитеты: *серебряные* рожки, *золотыя* твои ножки. Съ другой стороны металлы сближаются съ свѣтомъ и огнемъ. «*Що горитъ безъ пламени?* спрашиваетъ малороссійская загадка, и отвѣчаетъ: «*грѣши*», Надъ мѣстомъ, гдѣ зарытъ кладъ, по народнымъ повѣрьямъ, всегда мелькаетъ огонекъ.

Къ этой то дивной странѣ востока, царству вѣчнаго свѣта и жизни, и обращался славянинъ съ своею молитвою къ Дажбогу. Заговоры сохранили намъ нѣсколько подробностей объ обрядахъ этой молитвы. Онъ вставалъ ранымъ-рано по утрамъ въ утреннюю зарю, умывался свѣжею водою или росою, утирался бѣлымъ платомъ и шелъ въ чистое поле, гляючи на востокъ краснаго солнышка. Потомъ начиналъ молитву-заговоръ. Поздней вечерней зарей, когда спадала сырая роса, онъ опять выходилъ въ поле и становился лицомъ на востокъ. Съ большимъ разви-

тіемъ обрядности онъ очерчивался кругомъ призорочьямъ, чертою, указывавшею на образъ небесныхъ свѣтиль и ихъ движеніе. Зычнымъ, громкимъ т. е. сильнымъ и торжественнымъ голосомъ онъ призывалъ Сварога и его дѣтей и внуковъ, всю семью свѣтлыхъ небесныхъ божествъ. Ты, небо, слышишь; ты, небо, видишь!.. Мѣсяць, мѣсяць, серебряныя твои рожки, золотыя твои ножки! — Сойдите вы, звѣзды частыя, ты, мѣсяць ясный, солнышко привольное! — Заря-заряница, красная дѣвица, полуощица! Или же онъ славословилъ свѣтлаго Дажбога, восклицая: «*славенъ еси, отчей славенъ еси, нашъ милый боже, тна высокости!* — Ладю, свѣти боже! Ладю, слушай насъ, Ладю! — Пѣсме, Ладю, пѣвмо ти, с рдца наша кланіамо ти. Ладю слушай насъ, Ладю!»

Такъ въ образѣ свѣта славянинъ поклонялся творческой силѣ жизни. Все противное этой силѣ, — все мрачное, холодное, несущее съ собою смерть и ослабленіе жизни, получило характеръ враждебной, приурочивалось религіознымъ сознаніемъ къ области злой нечистой силы. Когда солнце скрываетъ свои лучи и наступаетъ ночь, когда лѣто смѣняется зимою и холодъ губитъ всякую жизнь въ природѣ, въ это время просторъ для нечистой силы. Подобно тому, какъ эпитеты: бѣлый, красный, указывающіе на свѣтъ, прилагаются ко всему прекрасному, доброму, производящему жизнь и счастье, слова: темный, черный, мрачный стали обозначать все безобразное, злое, вредное, нечистое, губительное. Какъ языкъ (4), такъ и повѣрья сближаютъ нечистую силу и злое царство съ холодомъ и мракомъ. Ночь доселѣ сохранила свой страшный, нечистый характеръ. Ночью совершаются чары, являются духи и т. п. Нечистая сила и живетъ и дѣйствуетъ постоянно въ потемкахъ. Потомъ

(4) Отъ корня *мор* одинаково происходятъ: *мракъ* (морокъ), *морозъ*, *смерть*, *мара* (призрѣкъ), *мерекъ* (чортъ отъ смеркутъ), *марать*, *хмара*, *смрадь*, *мерзость*.

она преимущественно разгуливает зимой. Съ 9 Ноября, по народнымъ повѣрьямъ, зима встаетъ на ноги, прилетаютъ морозы отъ желѣзныхъ горъ, нечистая сила выходитъ изъ ада и своимъ появленіемъ производитъ холода и мятели. 12 Декабря зима поворачиваетъ на морозъ. Сильные холода и простудныя болѣзни. Нечистая сила связывается съ вѣдьмами, бѣгаетъ по полямъ и дуетъ въ кулакъ, отъ чего бываетъ трескъ и мятель, морозъ и холодный вѣтеръ. Средина зимы—святки—полное раздолье для нея. 5 января на всѣхъ дверяхъ и окнахъ чертятъ кресты, ходя съ двумя пирогами, что напоминаетъ о жертвѣ нечистой силѣ. Ей тоже приписались жертвы. Предъ великимъ днемъ въ Нижегородской губерніи варятъ овсяный кисель въ жертву морозу. Старшій въ семьѣ подноситъ его или къ печному челу или къ волоковому окну и приговариваетъ: «морозъ, морозъ! не бей нашъ овесъ; приди къ намъ кисель ѣсть. Кисель ѣшь, а овесъ, пшеницу не трошь».

Сообразно съ своимъ темнымъ характеромъ всѣ представители темной силы представлялись черными, мерзкими, безобразными. Главнымъ олицетвореніемъ этой силы была *Морена* или *Морана*. Ея имя донынѣ памятно у Словаковъ, Чеховъ, Поляковъ; у восточныхъ славянъ она забыта, но нѣкоторые обряды, которые мы еще увидимъ, также малороссійскія обрядовыя пѣсни хранятъ слѣды поклоненія ей и здѣсь. Морена (отъ *мор*) была начальною силою всякаго зла, болѣзни и смерти. Съ ней родственно древнее миѣическое существо *Нежить*. Какъ Морена имѣетъ корнемъ *мор*, такъ *Нежить* происходитъ отъ *жить*, и отрицательной частицы. Одна древняя рукопись описываетъ *Нежитя* въ такихъ чертахъ. Идетъ *Нежить* отъ сухаго мора и встрѣчается съ доброю силою: «Камо идиши?» спрашиваетъ его добрая сила. «Сѣмо иду, отвѣчаетъ онъ, въ человѣчу главу мозга ерчать, челюсти преломити, зубы ихъ ронити, шіе ихъ кривити, и уши ихъ оглушити, очи ихъ ослѣпити, носа гугнити, крѣве ихъ проліати, вѣка ихъ изсушити, устья ихъ кривити, удовъ ихъ разслабляти» и проч. Сила благая запрещаетъ ему дѣлать это и

отсылаетъ его жить въ пустыню, въ каменную гору, въ елену главу. Морана представлялась не мѣнѣе страшною. По старославянскому преданію она поситъ свою голову подъ мышкой и блуждаетъ ночью подъ окнами избъ, выкликая имена жителей: кто отзовется, умретъ. Сюда же нужно отнести страшные образы смерти. Чума, моровая язва, холера представляются въ видѣ высокой женщины, въ бѣломъ или черномъ одѣяніи, съ распущенными волосами. Она разъѣзжаетъ по свѣту въ своей повозкѣ или на какомъ нибудь человѣкѣ, машетъ краснымъ платкомъ изъ своей костлявой руки на четыре стороны и все кругомъ мретъ. Просунетъ свою руку съ платкомъ въ окно или дверь избы и въ семьѣ поселится зараза и смерть. Болѣзни, изчадія Морены, представляются также въ страшныхъ и безобразныхъ образахъ. Такъ представляются лихорадки, коровья смерть и проч. Замѣчательно, что всѣ эти олицетворенія нечистой силы мрака и холода представляются синими, замороженными. Наконецъ у насъ сохранилось знаменательное преданіе, что нечистая сила, враждебная жизни и рожденію, живетъ безродною. «Живетъ, читаемъ въ «Сказаніяхъ русскаго народа»,— нечистая сила сама по себѣ; ни съ кѣмъ то она проклятая не роднится; нѣтъ у ней ни роднаго брата, ни родной сестры; нѣтъ у ней ни родимаго отца, ни родимой матери; нѣтъ у ней ни двора, ни поля, а пробивается бездомная гдѣ день, гдѣ ночь. Безъ привѣту, безъ радости глядитъ она нечистая на добрыхъ людей: все бы ей губить да крушить, все бы ей на зло идти, все бы ей міромъ мутить.» Извѣстно, что ни гдѣ такъ много не вредитъ нечистая сила, какъ на свадьбахъ: она въ самомъ корнѣ хочетъ вредить жизни и рожденію. Извѣстны также рассказы, какъ нечистая сила старается портить дѣтей и похищаетъ ихъ иногда еще изъ чрева беременной женщины.

Жилище темной силы, въ противоположность жилищу свѣтлыхъ боговъ на востокѣ, полагается народными преданіями на дальнемъ западѣ. Тамъ среди желѣзныхъ, без-

плодныхъ горъ царствуетъ вѣчная зима, вѣчный мракъ и бѣды всякаго рода. Изъ тамошнихъ снѣжныхъ пропастей и горъ, гдѣ всякая жизнь умираетъ, прилетаютъ къ намъ морозы; туда же опять улетаютъ на лѣто. Тамъ же жилище лихоманокъ, коровьей смерти и проч. Самое созданіе горъ приписывается нечистой силѣ. Божья благодать—ровная гладь, а горы да овраги—чортово житъе. Въ заговорахъ нечистая сила отсылается въ океанъ море, въ бездны преисподнія, въ тартарары. На землѣ нечистая сила любитъ особенно темныя, страшныя мѣста, болота и омуты (отъ мутный, темный). «Въ тихомъ омутѣ черти водятся», замѣчаетъ пословица. «Изъ омута въ адъ, какъ рукой подать.»

Какъ скоро явилось понятіе о доброй и злой силѣ, религіозный эпосъ долженъ былъ поставить ихъ во враждебное отношеніе между собою, во взаимную борьбу. Заговоры просятъ у добрыхъ божествъ помощи противъ злыхъ. Народная вѣра надѣялась на силу первыхъ, на ихъ торжество надъ послѣдними. Туже борьбу она видѣла во всемъ теченіи жизни. У Словаковъ сохранилось преданіе, что когда солнце выходитъ изъ своихъ чертоговъ гулять по небу, нечистая сила собирается и ждетъ его возвращенія, чтобы сбить его. Но при одномъ приближеніи она чувствуетъ свое безсиліе и снѣшитъ скрывать въ расщелинахъ скаль. Тамъ первые лучи солнца разгоняютъ ночью мракъ, и испуганный, онъ бѣжитъ отъ свѣта въ глубину пещеръ и пропастей, куда не доходятъ лучи солнца. Каждый день повторяется борьба и каждый день солнце остается побѣдителемъ. Есть одна древняя загадка, выражающая эту борьбу: «Кои два супостата борются? смерть да животъ. Кои два супостата препираются? день и ночь.» По народнымъ повѣрьямъ, едва наступитъ первый часъ утра, какъ нечистая сила стремглавъ бросается домой. Страхъ ея обыкновенно связывается съ пѣніемъ пѣтуха. Нечистые боятся его, потому что онъ былъ посвященъ свѣтлымъ божествамъ, первый привѣтствовалъ восхожденіе солнца. Въ бесѣдѣ Панагіота съ фри-

зиномъ Азимитомъ читаемъ замѣчательное мѣсто, указывающее на мифическое значеніе пѣтуха. «Того ради и пѣтель пророкомъ именуется... имѣетъ подъ своими крыльями знаменіе на перѣ. И когда пойдеть солнце отъ запада къ востоку, тогда поскребнетъ у пѣтела то перо; а когда уготовится солнце ко исхожденію, тогда почуветь пѣтель и, открывъ голову, пробуждается, и давши знать птицамъ тѣмъ, плещеть крыльями своими, проповѣдуя міру воскресеніе.»

Надобно впрочемъ замѣтить, что дуализмъ не былъ до конца развитъ въ нашей мифологіи. Народное міросозерцаніе знало множество темныхъ силъ. Но въ ряду ихъ являются и свѣтлыя силы. Наприм. снѣгъ, произведеніе Морены, зимы, весной имѣетъ доброе значеніе, благотворно дѣйствуетъ на красоту и здоровье. Вѣтры оживляя природу тепломъ, въ то же время несутъ смерть, разныя заразительныя болѣзни. Самое солнце представляется съ двойственнымъ характеромъ, какъ зимнее и лѣтнее солнце. Доселѣ дуализмъ нашей мифологіи составляетъ спорной вопросъ. Намъ кажется, этотъ вопросъ легко рѣшается тѣмъ, что два разряда божествъ еще не успѣли у насъ окончательно разграничиться между собою, что это разграниченіе только еще началось. Замѣчательно, что у Поморскихъ славянъ истуканы боговъ были съ двумя или съ четырьмя лицами, указывающими на лѣто и зиму или на всѣ 4 времени года. Одинъ истуканъ, по свидѣтельству Массуди, былъ изъ четырехъ камней—зеленаго хризолита, краснаго рубина, желтаго карнеола, бѣлаго кристалла и съ одной золотой головой. Эти цвѣта ясно указываютъ на зеленую весну, красное лѣто, желтѣющую осень, бѣлую зиму, а золотая голова—само солнце. Зимнее солнце—противуположность лѣтняго,—символь холода, мрака и безсилія. Солнце, когда оно положительно вредно, называется въ сербскихъ пѣсняхъ «старымъ крвникомъ». Можетъ быть, въ этомъ представленіи заключается причина названія многихъ болѣзней отъ корня: богъ. Богиня—оспа, божій бичъ, божаж

ночь—падучая болѣзнь, божа рука—ударъ, божа рапа—чума, божіе—обморокъ, убожье—уродство. У Чеховъ зимнее солнце извѣстно подъ названіемъ *крта* (крк, крч), откуда наше русское: *карачунъ*. «Дать карачунъ» въ смыслѣ «убить» прямо указываетъ на зловредное значеніе карачуна—солнца. Можетъ быть, наше Хорсъ, которое ставится рядомъ съ именемъ Дажбога, именно означаетъ зимнее солнце. По крайней мѣрѣ нѣкоторые положительно догадываются объ этомъ (Шеппингъ). Изъ значенія слова Карачунъ объясняется старинное названіе рождественскаго поста Карачуномъ: это зимній постъ. И такъ Карачунъ это тоже, что Аполлонъ губитель древнихъ Грековъ, обратная сторона свѣтлаго, добраго Аполлона, нашего Дажбога. По словамъ Массуди, онъ былъ богомъ смерти, поирателемъ животныхъ, разграбителемъ костей мертвецовъ, т. е. мертвые, по его велѣнію, въ концѣ Декабря вставали изъ своихъ гробовъ и ходили по землѣ.

Обратился къ другимъ добрымъ божествамъ.

Вмѣстѣ съ свѣтомъ славяне боготворили огонь—другаго Сварожича. Имѣя одно происхожденіе съ солнцемъ, Дажбогомъ, онъ также сдѣлался самостоятельнымъ божествомъ, подобно индейскому Агни (*ignis*). Какъ живое, владычественное въ мірѣ существо онъ назывался «живымъ огнемъ» и «царемъ огнемъ.» Огонь сварожичъ какъ въ вѣрованіяхъ, такъ и въ обрядахъ поставляется въ ближайшей связи съ солнцемъ и свѣтилами. Самыя свѣтила суть нѣчто иное, какъ средоточія небснаго царя-огня; объ нихъ говорится, что они *горятъ* и *тухнутъ*. Между крестьянами они называются Божьими огоньками. Вслѣдствіе такого сближенія свѣта солнечнаго съ свѣтомъ огня, время праздновать тому и другому Сварожичу было одно и тоже—праздникъ Купалы. Отъ того мѣсяцъ Іюнь, когда праздновали Купалѣ, назывался *Кресникомъ*. Слово *кресъ* представляетъ замѣчательный примѣръ мифическаго сочетанія понятій о солнцѣ, огнѣ и жизни. По объясненію г. Буслаева, это слово означаетъ

огонь и лѣтній поворотъ солнца. Отсюда: кресины—время солнворота, кресиво-огниво, кресать—высѣкать огонь; въ отвлеченномъ смыслѣ, въ приложеніи къ жизни: быть на кресу—имѣть удачу, успѣхъ, воскресъ дать-оживить, дать отдыхъ, наконецъ воскресить. Такъ понятія о свѣтѣ и теплотѣ переходятъ въ понятіе о жизни. Какъ творческая сила жизни, огонь по народнымъ преданіямъ, участвовалъ въ твореніи міра. У западныхъ славянъ доселѣ существуетъ преданіе, что жизнь явилась на землѣ тогда, когда въ пѣдрахъ ея загорѣлся огонь. Жизнь человека также сближается съ горѣніемъ, какъ это наприм. видно изъ словъ *гаснуть*, употребляемаго въ смыслѣ чахнуть, умирать. Души людей являются на могилахъ въ видѣ блуждающихъ огоньковъ.

Славянинъ поклонялся огню и на своемъ домашнемъ очагѣ, и въ овинѣ, и на купальскихъ кострахъ. Мы еще встрѣтимся съ этимъ поклоненіемъ въ описаніи разныхъ богослужебныхъ обрядовъ. Особеннымъ значеніемъ пользовался огонь, получаемый чрезъ треніе двухъ кусковъ дерева. Онъ, кажется, и былъ собственно живымъ огнемъ. Какъ самая чистая стихія, какъ источникъ жизни, огонь употреблялся для разныхъ очищеній и врачеваній. Доселѣ для предотвращенія болѣзней и смерти употребляется переходеніе или перепрыгиваніе черезъ огонь, наприм. во время скотскаго падежа скотину переводятъ черезъ костеръ; деревенскіе знахари спрыскиваютъ больныхъ водой съ угля или высѣкаютъ надъ ними пскры изъ кремня. Во всѣхъ славянскихъ земляхъ сохраняются остатки языческихъ гаданій по треску огня, по горѣнію пламени, по искрамъ, углямъ, золѣ и т. п. Какъ на подобный остатокъ старины, укажемъ на извѣстную всѣмъ игру зажженными лучинками съ приѣвомъ: «живъ, живъ Чурилка.» У Сербовъ эта игра сохранила еще характеръ гаданья и именно о долговѣчности; чья лучинка скорѣе погаснетъ, тотъ скорѣе умретъ. Припомните подобное же гаданіе, вкравшееся въ великое христіанское таинство, гаданіе свадебными свѣчами. Въ древности посред-

ствомъ огня совершался еще судъ божій; когда нельзя было открыть преступника обыкновенными средствами, прибѣгали къ гаданію огнемъ: преступникомъ считался наприм. тотъ, у кого скорѣе погасалъ въ рукахъ горящій уголь. Вѣще люди, волхвы и вѣдьмы, употребляли священную и могучую силу огня для своихъ чаръ, которыми они дѣйствовали не только на тѣло, но и на душу человѣка. Такъ въ народной былинѣ Марина, кievская вѣдьма, производитъ чары надъ богатыремъ Добрынею.

«Брала она слѣзы горячіе, молодецкіе,
Набирала Марина беремя дровъ,
А беремя дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дрова въ печь муравленую
Съ тѣми слѣзы горячими;
Зажигала дрова палящатымъ огнемъ;
А сама она дровамъ приговариваетъ:
— Сколь жарко дрова разгораются
Съ тѣми слѣзы молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое,
Какъ у молодца Добрынюшки Никитьевича.»

Всего поразительнѣе долженствовало быть для первобытнаго человѣка самое страшное и грозное проявленіе небеснаго огня въ громѣ и молніи. Это грозное проявленіе его славянинъ олицетворилъ въ образѣ *Перуна*. Самое названіе его (5) показываетъ, что онъ относился тоже къ числу творческихъ силъ жизни, отъ него зависѣла производительность и рожденіе всей твари. Одна сербская пѣсня представляетъ молнію распорядительницею всего мірозданія, владычественною силою міра, которая всему даетъ гармонию. «Стала, говорится здѣсь, молнія дары дѣлать. Дала Богу небесную высоту, св. Петру петровскіе жары, Іоанну ледъ и снѣга, Николѣ власть на водахъ, Ильѣ молнію и стрѣлы.» Повѣрья доселѣ говорятъ о благотворной силѣ молніи и грома. Дождемъ изъ подъ перва-

(5) Перунъ или по южнослав. паромъ имѣеть корнемъ нар. отсюда pario—раждать, литовское perieti—тоже раждать.

го грома всѣ спѣшать умываться. Первый громъ пробуждаетъ всю природу отъ зимняго сна; послѣ него уже не бываетъ морозовъ; деревья начинаютъ распускаться быстро; всѣ животныя, погруженные зимой въ спячку, оживаютъ и начинаютъ оплодотворяться. По старинному вѣрованію, Перунъ бросаетъ зародыши дѣтей въ утробу матери. Въ житіи св. Оттона жрецъ Перуна такъ говоритъ отъ имени своего бога: «я богъ твой... я тотъ, который одѣваетъ поля муравою, а лѣса листвіемъ; въ моей власти плоды нивъ и деревъ, приплодъ стадъ и всего, что служить на пользу человѣка: все это даю чтущимъ меня и отнимаю отъ отвергающихъ меня.» Какъ доброе божество, Перунъ находится въ борьбѣ съ нечистою силою. Когда воздухъ дѣлался легче послѣ небесной грозы и легче дышалось среди очищенной отъ сгущенныхъ паровъ атмосферы славянинъ язычникъ думалъ, что это Перунъ разогналъ своею молніею нечистую силу.

Вслѣдствіе своей борьбы съ злыми духами, Перунъ представлялся въ воинственномъ видѣ. Сварогъ, подобно Гефесту, ковачу оружія, сковалъ первые громы и бросилъ ихъ на землю. Громовержецъ завладѣлъ послѣ него его оружіемъ—громовой стрѣлой и молніею—и сталъ метать на землю свои кремни и кремницы. Онъ сталъ ѣздить по небу на огромномъ жерновѣ, который возить подъ нимъ горные духи, вызывающіе своимъ полетомъ вѣтры и бури; въ рукахъ его огненный лукъ съ громовыми стрѣлами, а за пазухой кремни и кремницы. Подобно индѣйскому Индрѣ, онъ бросаетъ молнію и поражаетъ ей нечистую силу; она стремглавъ бросается въ разныя стороны, когда завидитъ поѣздъ страшнаго бога въ его грозномъ вооруженіи.

Впрочемъ, какъ Дажбогъ былъ вмѣстѣ и благотѣльнымъ и злымъ божествомъ, и Перунъ носитъ двойственный характеръ, вслѣдствіе той же неразвитости дуализма въ нашей мифологіи. Описаніе его представляетъ страшныя черты. Это слѣпая сила, которая можетъ сдѣлать

и добро и зло; она мечетъ свои кремни и кремницы на право и на лѣво безъ всякой разумной цѣли, для одного только обнаруженія свбего грознаго величія, или для глупой острастки. По одному карпаторусскому преданію Перунъ бросилъ громовую стрѣлу въ утробу матери и за грѣхъ ея извратилъ природу ничѣмъ невиннаго младенца. По другому преданію, трескомъ, громомъ и пламенемъ онъ окаменилъ одну мать съ младенцемъ за то, что она будучи замарана своимъ малюткой, употребила вмѣсто постилки ячменный хлѣбъ. Сербское преданіе рассказываетъ, что Перунъ обратилъ въ камень одну женщину за то, что она выгнала раньше времени, въ Мартѣ, своихъ овецъ.

Перуна обыкновенно считали главнымъ божествомъ славянъ. Это едва ли справедливо, потому что всѣ вѣрованія и обряды славянъ, сохранившіеся доселѣ возвращаются около поклоненія солнцу — Дажбогу. О Перунѣ сохранилась весьма слабая память. На западѣ около поселеній литовскаго племени сохранились ясныя воспоминанія объ немъ; доселѣ громъ называется тамъ Перкуномъ; именемъ Перкуна называются многія географическія урочища; оно же слышится въ пѣняхъ, поговоркахъ, осталось въ повѣрьяхъ. Въ Россіи имя его забыто; только два урочища около Кіева и Новгорода носятъ названія отъ этаго имени, да еще одна костромская пословица: «ѣдетъ божокъ съ перищемъ, стучитъ колесомъ», быть можетъ, составляетъ отголосокъ о Перунѣ. Объ его значеніи можемъ заключать изъ народныхъ сказаній объ Ильѣ пророкѣ. Замѣчательно, что самое названіе Перуна всего легче объясняется изъ литовскаго языка.

Если въ историческую эпоху варяжскихъ князей Перунъ и занималъ первое мѣсто на кievскомъ холмѣ и былъ лучше всѣхъ изукрашенъ Владиміромъ, то по крайней мѣрѣ нужно думать, что его первенствующее значеніе въ сонмѣ боговъ было еще очень молодо. Онъ не успѣлъ еще занять перваго мѣста въ народныхъ вѣрованіяхъ и вытѣснить поклоненія солнцу. Поклоненіе грому

обыкновенно является на мѣсто поклоненія небу съ развитіемъ въ народѣ земледѣльческой жизни. По всей вѣроятности Перунъ только лишь сталъ возвышаться, когда явилось у насъ христіанство. Нельзя не обратить вниманія на то, что поклоненіе ему особенно успѣло развиться на западѣ Россіи, гдѣ имѣло вліяніе литовское обожаніе Перкуна, еще въ Кіевѣ и Новгородѣ, гдѣ сильнѣе было вліяніе варяговъ князей съ ихъ обожаніемъ громоноснаго Тора. Г. Шепингъ даже прямо считаетъ Перуна божествомъ, заимствованнымъ у литовцевъ и варяговъ. Не даромъ Олегъ въ договорѣ съ греками клянется имъ, какъ своимъ богомъ, а Владиміръ такъ усердно украшаетъ его идолъ. Время Владиміра было временемъ какого то религіознаго броженія, слѣдствіемъ котораго было принятіе христіанства. Можетъ быть, оно было слѣдствіемъ столкновенія религіи Дажбога и Тора или Перкуна.

Во всякомъ случаѣ поклоненіе Перуну не пустило глубокихъ корней въ массѣ народа. Эта масса осталась при прежней небоклонической религіи, обожала стихіи и группировала ихъ около Сварога и Дажбога. Переходъ къ земледѣльческому быту остался мало замѣтенъ въ исторіи религіи. Тоже солнце и огонь, которыя обожались славянскіи кочевникъ, остались божествами славянина земледѣльца. Они получили значеніе мужеской силы, плодотворяющей общую всѣмъ мать — сырую землю. Божество грома не подчинило ихъ себѣ.

Извѣстно, что самые древніе образы, которые приписываются богамъ суть образы, снятые съ животныхъ. Человѣческій видъ придается богамъ уже позднѣе, при въ большемъ развитіи народа, съ пробужденіемъ сознанія о челоѣческомъ достоинствѣ. Божество молнии въ народныхъ вѣрованіяхъ почти исключительно сохранило еще свой животный образъ, — опять знакъ сравнительной молодости обожанія Перуна. Народъ меньше помнитъ его челоѣческій образъ, чѣмъ животный. Этотъ животный образъ есть образъ огненнаго змія. Вѣра въ огненнаго змія такъ

еще свежо сохранилась, что мы несколько остановимся на объясненіи этого замѣчательнаго и выразительнаго мифа.

Огненный змѣй олицетворяетъ метеоры, падающія звѣзды, молнію, всѣ воздушныя явленія, змѣящіяся по небу. Поэтому почитаніе его тѣсно связано съ обоготвореніемъ свѣта и огня, особенно молніи. Связь его съ свѣтлыми божествами очевидна изъ самаго эпитета его — огненный. Онъ весь горитъ синимъ огнемъ, который вмѣстѣ съ дымомъ и искрами валитъ изъ него, изо рта, ушей и глазъ, какъ изъ горнила. Синее пламя прямо указываетъ на молнію, которой постоянно придается эпическій эпитетъ — синяя. Онъ испускаетъ зычный голосъ, отъ котораго дрожатъ дуброва и окарачь ползуть сильные могучіе богатыри, — указаніе на громъ. Лучи свѣта и молніи изображаются стрѣлами; отсюда напримѣръ нѣмецкое Strahl-лучъ и славянское стрѣла одного корня; Перунъ вооруженъ громовыми стрѣлами. Стрѣла, какъ характеристичекій атрибутъ, придана и огненному змѣю: въ пасти у него и на концѣ хвоста стрѣлы. Мы видѣли еще связь свѣтлыхъ божествъ съ металлами; огненный змѣй тоже представляется въ связи съ ними. Онъ хранитель всѣхъ кладовъ; въ блокахъ каменныхъ пещерахъ, гдѣ онъ живетъ, богатыри всегда находили много золота, серебра. По повѣрьямъ, падъ чьимъ домомъ разсыпается огненный змѣй, туда онъ несетъ богатство. Золото представляется даже частью змѣйнаго существа и въ извѣстной пѣснѣ прямо называется: «змѣиное крылице».

Какъ олицетвореніе свѣта и огня, какъ животный образъ Перуна, огненный змѣй является символомъ жизни, здоровья, плодородія. Явленіе грома и молніи находится въ связи съ явленіемъ дождя. Перунъ проливаетъ дождь на землю. День, посвященный Перуну, четвергъ, по повѣрьямъ, былъ преимущественно днемъ дождя; сохранилась поговорка, потерявшая впрочемъ всякій мифическій смыслъ: «послѣ дождичка въ четвергъ.» Огненный змѣй также имѣетъ связь съ дождемъ. Мысль о дождѣ, даю-

щемъ жизнь природѣ, выражается въ повѣрьи о живой водѣ, которая прямо называется змѣиною. Обыкновенное жилище змѣя въ горахъ при рѣкѣ, гдѣ и находятъ его богатыри. Живая вода, которою обладаетъ змѣй, даетъ людямъ красоту, молодость, здоровье. Доселѣ въ заговорахъ противъ болѣзней призывается змѣя мѣдьяница. Въ предостереженіе отъ лихорадокъ въ простонародѣ носятъ на шеѣ змѣиную кожу. Въ былинѣ о Потокѣ Михайловичѣ кровью огненнаго змѣя богатырь воскрешаетъ свою мертвую жену. По другому варианту этой былины змѣй приноситъ богатырю оживляющую траву. Сказанія объ огненномъ змѣѣ народъ перенесъ и на обыкновенныхъ змѣй. Скрытная жизнь этихъ пресмыкающихся всегда поражала его воображеніе. Чудное свойство перемѣнять свою кожу, возрадаться заставило приписать змѣямъ вѣчно юную жизнь, сдѣлало ихъ символомъ безсмертія. Оттого змѣя играетъ важную роль въ народной медицинѣ. Ей приписывается знаніе цѣлебной силы травъ и корней, которыми она исцѣляется отъ всѣхъ своихъ болѣзней и поврежденій. Она помогаетъ и людямъ. Есть рассказъ, какъ змѣя проползла къ роженицѣ въ баню и принесла ей цѣлительную траву, потому что когда-то эта женщина сжалилась надъ ея дѣтенышами. Народъ во многихъ мѣстахъ вѣритъ, что поселеніе въ дому ужа ведетъ къ благополучію дома.

Наконецъ съ идеею огненнаго змѣя эпическая поэзія постоянно соединяетъ идею ослодотворенія и рожденія. Это самая важная сторона мифа объ огненномъ змѣѣ, выдающаяся больше всѣхъ другихъ сторонъ. Свѣтлыя божества посылаютъ съ неба зародыши въ утробы матерей въ видѣ огня, который змѣею скользнетъ по небу и рассыплется надъ домомъ, гдѣ произошло зачатіе. Отъ этого надъ чьимъ домомъ упадетъ звѣзда, тамъ, по повѣрью, дѣвица утратила невинность; видѣть во снѣ падающую звѣзду значитъ рожденіе дитяти. Совершенно понятно, какимъ образомъ огненный змѣй сдѣлался причиной плодородія и всякаго рожденія. Народныя преданія приписываютъ огнен-

ному змѣю даже непосредственное участіе въ оплодотвореніи женщинъ и сильное пристрастіе къ послѣднимъ. Въ этихъ преданіяхъ находимъ цѣлую апофеозу любви. Любовь такъ и называется горючею, приравнивается къ огню, потому что онъ есть произведеніе огненнаго змѣя.

Господствующимъ содержаніемъ преданій объ огненномъ змѣѣ служитъ похищеніе имъ красавицъ и любовная связь съ ними. Когда сказочный Добрыня попалъ въ пещеру змѣя, онъ нашелъ здѣсь свою тетку, пѣсколько дѣвушекъ и множество дѣтей. Появившись около какого нибудь города, огненный змѣй вездѣ требуетъ себѣ дани, и эта дань обыкновенно выплачивается красавицами, особенно прекрасной царевной. Онъ постоянно летаетъ по поднебесью, высматриваетъ красавицъ и потомъ разсыпается надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ ему приглянется какая нибудь красная дѣвица. Съ появленіемъ христіанства, когда огненный змѣй сталъ представителемъ вражей силы, преданія объ немъ получили мрачный характеръ. Знакомство женщины съ огненнымъ змѣемъ стало величайшимъ несчастіемъ; преданія о похищеніи дѣвицъ извратили цѣль этаго похищенія, — змѣй сталъ похищать красавицъ для того, чтобъ пожрать ихъ и т. д. Но сквозь этихъ мрачныхъ разказовъ пробиваются черты стариннаго значенія мифа, сквозитъ высоко поэтичекій характеръ таинственно-чудной любви огненнаго змѣя.

Какъ ни страшно знакомство съ нимъ, но его любовь такъ сильна, такъ заманчива, что подобной небыло и нѣтъ на свѣтѣ. «Если змѣй полюбитъ дѣвушку, говоритъ народъ, то зазноба ея неизлечима во вѣкъ; зазнобу эту ни отговорить, ни отгноить не возможно. Не любя полюбишь, не хваля похвалишь огненнаго змѣя; умѣетъ обморочить онъ, злодѣй, душу красной дѣвицы привѣтами, угладитъ онъ, губитель, рѣчью лебединою молодую молодицу; заиграетъ онъ, безжалостный, ретивымъ сердцемъ дѣвчѣимъ; затомитъ онъ, не насытнѣный, не наглядную въ горючихъ объятіяхъ; растопитъ онъ, варваръ, уста алыя.

Отъ его поцѣлуевъ горитъ красна дѣвица румяной зарей отъ его привѣтовъ цвѣтетъ красна дѣвица краснымъ солнышкомъ; безъ змѣя красна дѣвица сидитъ въ тескѣ во кручинѣ; безъ него она не гладитъ на божій свѣтъ, безъ него она сушитъ иссушаетъ себя». Нельзя устоять женщинѣ противъ огненнаго змѣя; сама вѣчно-юная жизнь, податель плодородія, здоровья, красоты, она сама обладаетъ неописанной красотой. Когда разсыпавшись надъ избою, онъ обращался въ ней въ человѣческой образъ прекраснаго юноши, дѣвушка или женщина, имѣвшая счастье пригляднуться ему, вся замирала отъ удовольствія; глядѣла не наглядывалась на него, слушала не наслушивалась его пламенныхъ рѣчей; вся ослабѣвала и таяла въ объятіяхъ его могучей любви. Она ждала его съ лихорадочнымъ терпѣніемъ въ другой разъ, и убивалась, хизнула, когда онъ къ ней не являлся.

Вотъ почему въ заговорахъ на любовь обращаются къ огненному змѣю. Эротическое значеніе его перенесено потомъ и на обыкновенныхъ змѣй. Они очень помогаютъ въ любовныхъ дѣлахъ. Кто хочетъ приворотить къ себѣ дѣвушку, долженъ продѣть ниткой змѣиныхъ глаза и приговаривать: «змѣя, змѣя! какъ жалко тебѣ твоихъ глазъ, такъ чобы меня жалѣла раба Божія» (имярекъ.) Потомъ этой же ниткой продѣть платье любимаго предмета. Успѣхъ несомнѣнный. Огненный змѣй поставляется повѣрьями въ тѣсную связь съ пѣтухомъ, котораго такъ щедро одѣлила природа эротическими наклоностями. Болѣе трехъ лѣтъ запрещаютъ держать пѣтуха, иначе онъ снесетъ яйцо, изъ котораго родится огненный змѣй. Извѣстно, что пѣтухъ былъ посвященъ свѣтлымъ божествамъ.

Въ преданіяхъ объ огненномъ змѣѣ нельзя не замѣтить двойственности образовъ колебанія между животнымъ образомъ змѣя и образомъ человѣка. Въ видѣ змѣя онъ летаетъ по поднебесью; въ избѣ превращается въ добраго молодца. Змѣй Тугаринъ описывается въ былинѣ, какъ сильный, могучій богатырь; но онъ летаетъ по воздуху и палитъ огнемъ своихъ враговъ. Это указываетъ на

переходное состояніе міа. Первоначальное представленіе молніи и метеоровъ было въ образѣ змѣя, какъ самое естественное; потомъ это представленіе стало принимать человѣческія формы, требовавшія болѣе усилій отъ младенчествующей фантазіи народа. Этотъ переходъ отъ одной формы къ другой, совершавшійся постепенно, и обусловилъ смѣшеніе образовъ животнаго съ человѣческимъ. Въ одной сказкѣ змѣй представляется даже человѣкомъ съ змѣиной головой.

Обоготворивъ свѣтила, громъ и молнію, разныя огненные явленія атмосферы, славяне обоготворяли и воздухъ или «духъ божій», какъ онъ называется на миѣическомъ языкѣ. Олицетвореніемъ этой стихіи явился *Стрибогъ*, идолъ котораго стоялъ на кievскомъ холмѣ на ряду съ идолами главныхъ божествъ. Стрибогъ былъ производителемъ бурь и вѣтровъ и имѣлъ, какъ и всѣ главные божества, двойственный характеръ. Онъ носилъ и благотворный дождь для оплодотворенія земли и морозы со снѣгами; его вѣяніе производило и благораствореніе воздуха и было причиною повѣтрій и смерти и т. д.

Трудно воспроизвести образъ этого божества; этотъ образъ обрисовывается въ однихъ эпическихъ сравненіяхъ очень разнообразныхъ. Названіе его происходитъ отъ корня санскритскаго-*стри*, означающаго стремленіе, быстроту. Отъ этого же корня происходятъ, какъ мы видѣли *Strahl* и стрѣла. Языкъ сблизилъ между собою эти понятія вслѣдствіе одного общаго признака, заключающагося въ нихъ, представленія быстроты. Лучъ свѣта, блескъ молніи, стремленіе вѣтра олицетворилъ въ одномъ образѣ стрѣлы. Тоже представленіе быстроты сблизило вѣтеръ съ птицею. Вотъ матеріалы, изъ которыхъ составлялся первоначальный живописный образъ Стрибога, образъ птицы, преимущественно орла съ стрѣлами въ когтяхъ. Этотъ же образъ выражалъ понятіе о вѣтрѣ у скандинавовъ, кельтовъ и по всей почти Европѣ. Летая по поднебесью, этотъ миѣическій орелъ поднималъ мятели, вих-

ри и бури, приносилъ грозныя тучи съ дождемъ съ океанъ-моря, разсыпалъ снѣгъ по землѣ, разносилъ и металъ кремни и кремницы — орудіе громовержца Перуна, поднималъ волны на рѣкахъ и моряхъ. Эти образы доселѣ сохранились въ заговорахъ; нанрим: «летѣлъ орелъ изъ за Хвалынскаго моря, разбросалъ кремни и кремницы по крутымъ берегамъ, кинулъ громову стрѣлу во сыру землю, и какъ отродилась отъ кремня и кремницы искра, и какъ выходила грозная туча, и какъ проливалъ сильный дождь» и проч.. По другому заговору: «посреди океана моря выходила туча грозная съ буйными вѣтрами, ... подымалась мятель со снѣгами, налетали орлы черныя на широкъ долъ» Далѣе эти орлы представляются сторожами грозной тучи съ буйными вѣтрами. Другія птицы, извѣстныя своею быстротою и хищничествомъ своимъ напоминающія разрушительное стремленіе бурь и вѣтровъ, — коршунъ, ястребъ и пр., также были символическими образами этихъ обожаемыхъ воздушныхъ явленій. Отъ того, по общеславянскому повѣрью, хищныя птицы своимъ крикомъ вызываютъ бурю. Специальною представительницею вѣтровъ — стрибожихъ внуковъ какъ ихъ называетъ «Слово о полку Игоревѣ», — была наконецъ миѣическая Стратимъ, птица, всѣмъ птицамъ мати. Имя ея происходитъ отъ тогоже корня *стри*. Она сидитъ на островѣ Буянѣ, на скалѣ по край свѣта; когда она полетитъ по поднебесью, отъ ударовъ ея крыль раждаются вѣтры, поднимается на морѣ буря и топитъ корабли гостинные.

Съ развитіемъ антропоморфизма вѣтеръ сталъ представляться въ человѣческомъ образѣ; но въ этомъ позднѣйшемъ образѣ удержана часть прежняго, именно представленіе о крыльяхъ. Въ видѣ крылатыхъ мальчиковъ вѣтры изображаются и доселѣ. Этотъ образъ мы видимъ въ поэтическомъ плачѣ Ярославны въ словѣ о Полку Игоревѣ. «О вѣтре вѣтрило! причитала она, обращаясь къ вѣтру какъ господину, божеству. Чему, господине, вѣши? Чему мечеши ханевскія стрѣлы на свою трудною крыльцою

на моея Лады вои? Мало ли ти бишеть горѣ подь обла-
ка вѣяти, лелеючи корабли на синѣ мори? Чему, госпо-
дине, мое веселіе по ковылію развѣя? «Въ одномъ народ-
номъ разказѣ вѣтеръ представляется въ знакомомъ обра-
зѣ русскаго мужика. Шель мужикъ, на встрѣчу ему трое
другихъ мужиковъ: солнце, вѣтеръ и морозъ. Солнце
сказало: «постой, мужикъ,; я тебя сожгу.» А вѣтеръ
молвилъ: «а я тебя недоушу». Морозъ промолвилъ «по-
стой, мужикъ я тебя заморезу». А вѣтеръ: «я тебя от-
дую.» Въ сказкахъ говорится о четырехъ и семи брать-
яхъ-буйныхъ вѣтрахъ. Народныя пѣсни и заговоры пред-
ставляютъ множество примѣровъ обращенія къ вѣтрамъ,
какъ божественнымъ личностямъ, готовымъ помочь чело-
вѣку, сочувствующимъ его горю и радости. Это остатки
древнихъ молитвъ. Въ Астрахани рыбаки, садась въ лод-
ку, предъ отправленіемъ въ море на ловъ, съ благого-
вѣніемъ снявъ шапку, произносятъ: «святый воздухъ!
помоги намъ.» Сохранились и остатки жертвъ вѣтрамъ.
5 августа спрашиваютъ вихрь о зимѣ. Для этаго съ но-
жемъ въ одной рукѣ и съ пѣтухомъ въ другой выходятъ
на перекрестокъ сторожить вихря. Едва онъ появится,
какъ крестьянинъ, держа пѣтуха за голову, втыкаетъ
ножь въ самую средину вихря и допрашиваетъ его. Ра-
сказываютъ, что вихрь тогда говоритъ всю правду. Для
объясненія этаго обряда прибавимъ, что вѣтеръ по скан-
динавскимъ преданіямъ былъ отецъ зимѣ. Пѣтухъ прямо
указываетъ на древнюю жертву Стрибогу и его внукамъ.

(Продолженіе будетъ.)

НАЧАЛО И РАСПРОСТРАНЕНІЕ РАСКОЛА

ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ НИЖЕГОРОДСКИХЪ.

(Продолженіе.)

Не говоря уже о томъ, что недостатокъ священниковъ
былъ причиною распространенія раскола, расколъ могъ
удобно распространиться и дѣйствительно распространялся
даже и тамъ, гдѣ было достаточное число священниковъ,
потому что тогдашнее духовенство, въ слѣдствіе своей
необразованности, крайней бѣдности и стѣснительнаго по-
ложенія въ обществѣ не могло усильно дѣйствовать про-
тивъ раскола. Такимъ образомъ, недостатокъ образованія,
крайняя бѣдность и деморализація духовенства были так-
же одною изъ причинъ распространенія раскола.

Съ начала XVI и до 2-й половины XVII столѣтія въ
Россіи не было училищъ не только духовныхъ, но и
свѣтскихъ; не было, слѣдовательно, и мѣстъ, гдѣ бы
могли образоваться пастыри, способные противостоятъ рас-
сколу. По этому въ духовное званіе поступали люди,
едва умѣвшіе читать и писать. Что же могли дѣлать
люди, получившіе подобное воспитаніе? Да и образованіе-
то это получалось, большею частію, по старопечатнымъ
книгамъ, потому что эти книги успѣли въ то время зна-
чительно распространиться. По этому понятно, почему
священники не только не могли успѣшно противодѣйство-
вать расколу, но и сами иногда уклонялись въ расколъ.
Изъ признанія діакона Александра (Керженскаго) видно,
что онъ много сомнѣвался въ прзвильности книгъ, из-
данныхъ при патр. Никоѣ, всеми мѣрами старался до-
биться истины, плакалъ и молился и, когда ничего не
могъ добратся собственнымъ умомъ, тогда уже совра-
тился въ расколъ. Не болѣе его зналъ и священникъ
той церкви, при которой служилъ діаконъ Александръ (79).

(79) Есн. I. Д. XVIII в. ч. I стр. 634—635.

Недостатокъ просвѣщенія въ духовенствѣ, по сознанію современниковъ появленія раскола, и былъ причиною его произхожденія и появленія. Паисій Лигаридъ, митроп. Газскій, бывшій въ Москвѣ въ 1660 году пишетъ: «откуда бы сіе ересей наводненіе истекало и возрастало на толику нашу общую пагубу? Напоследокъ, умою обращаю, обрѣтохъ изъ двою истекшее, си же есть: отъ лишенія и неимѣнія народныхъ училищъ, такожде и отъ скудости и недостаточества святыя книгохранильницы⁽⁸⁰⁾. И съ того времени, когда основаны были училища, т. е. съ конца XVII вѣка, духовное просвѣщеніе не могло назваться удовлетворительнымъ: оно ограничивалось латынью и схоластикой. Ученики семинарій ограничивались рѣшеніемъ на латинскомъ языкѣ вопросовъ: гдѣ сотворены ангелы? могутъ ли они привести въ движеніе себя и другія тѣла? сколь великое по объему мѣсто можетъ занимать ангелъ? и проч. Лучшіе люди того времени сознавали всю несостоятельность подобнаго просвѣщенія. Такъ митр. Платонъ писалъ: «Разныя системы богословія, нынѣ въ школахъ преподаваемыя, пахнутъ школою и мудрованіемъ человѣческимъ; а богословіе Христово, по Павлову ученію, состоитъ не въ препрѣтельныхъ словесѣхъ, но въ явленіи духа и силы»⁽⁸¹⁾. Что могли сдѣлать противъ раскольниковъ люди, получившіе одно только схоластическое образованіе? Очевидно, — весьма мало или вовсе ничего. Что же сказать о тѣхъ, которые не получили никакого образованія и поступили въ духовное званіе? Недостатокъ или неимѣніе училищъ были причиною того, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ ставились въ попы люди изъ рабовъ и холопей, потому собственно, что не хотѣли быть въ холопахъ. «Умножися бѣглыхъ изъ рабства, изъ крестьянства, ставятся въ попы и діаконы не священства ради, постригаются не духовнаго ради спасенія, но не хотя въ рабѣхъ, и крестьяне въ

(80) Приб. къ тв. св. от. ч. III кн. 2 стр. 160.

(81) Жизнь митр. Платона Снегир. стр. 490.

дашнемъ обществѣ лежала коренная причина зла? Не общество ли было виновно въ томъ, что духовенство его было такъ сильно деморализовано? Поэтому справедливо ли укорять духовенство, за то, что оно не могло противостоятъ распространившемуся расколу? Справедливо ли обвинять его въ неразвитости, недѣятельности, неумѣнны исправлять свои обязанности, какъ дѣлали и дѣлаютъ это иѣкоторые? Мы думаемъ, что всякій, кто обращаетъ вниманіе не на слѣдствія, а на причину какого либо явленія, не станетъ укорять духовенство въ подобныхъ недостаткахъ. И если, дѣйствительно, между духовенствомъ были личности, заслужившія порицаніе, то, къ чести духовенства, нужно сказать и то, что среди него, и въ тѣ времена, были личности свѣтлыя и честныя, мужественно переносившія свою незавидную долю, старавшіеся добросовѣстно исполнять свои обязанности. Но что они могли сдѣлать среди общаго зла? При неразвитости и невѣжествѣ тогдашняго общества, честные и энергичные дѣятели изъ духовныхъ не находили себѣ сочувствія въ самомъ обществѣ. Напротивъ, надъ ними смѣялись, ихъ порицали. Такъ одинъ изъ проповѣдниковъ XVII столѣтія, рѣшившійся, среди общаго молчанія, говорить народу слово Божіе, признается, что ему всячески противодѣйствовали въ проповѣданіи слова Божія, смѣялись надъ нимъ и называли всякими обидными именами. «Всѣмъ я былъ, говорятъ онъ, въ камень преткновенія; всѣ другъ друга подговаривали не слушать ученія моего, думая, что я ввожу новости»⁽⁹⁸⁾. Что могли сдѣлать и лучшіе люди изъ духовныхъ, при такой настроенности тогдашняго общества? Много ли могли они усилить среди всеобщаго невѣжества? Къ сожалѣнію, весьма и весьма не много!

Принимая во вниманіе тогдашнее состояніе самого общества и обстоятельства, среди которыхъ жило духовен-

(99) Замѣтки по поводу нѣкоторыхъ отрывковъ изъ «Статира» Тр. К. Д. Ак. 1861 г. т. I стр. 419.

ство: недостатокъ образованія, крайнюю бѣдность и стѣсненное положеніе въ обществѣ, нельзя удивляться тому, что въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка расколъ распространился во всей почти Россіи. Противостоятъ расколу было не кому; духовенство, какъ мы видѣли, не имѣло средствъ для того, тогда какъ въ рукахъ раскольниковъ были всѣ средства для успѣшной пропаганды раскола. Раскольники обладали богатствомъ, имѣли многочисленное собраніе книгъ, имѣли у себя даровитыхъ и начитанныхъ расколоучителей. Всѣмъ извѣстно, что Выговская пустыня обладала большими богатствами; раскольники платили большія деньги для выкупа своихъ вождей, если они попадались въ руки правительства, старались всѣми мѣрами защищать другъ друга. Мы рассмотримъ здѣсь тѣ средства, какими обладали раскольники и какихъ не было въ рукахъ православнаго духовенства.

Большая часть расколоучителей и распространителей раскола—нельзя не отдать имъ справедливости—были люди способные и начитанные. Умомъ и, судя по тогдашнему времени, значительною степенью образованія обладали извѣстные предводители раскола, братья Андрей и Семенъ Денисовы. Андрей «ѣздяше ово зъ братомъ Симеономъ а ово и съ иными по всѣмъ градомъ и въ Москвѣ по всѣмъ монастырямъ и въ Нижегородской пустыни промышляше книги и осматриваше, овые покупаше, а овые и списываше, испытуа како въ древлеотеческомъ благочестіи утверждатися и стояти. Такожде досматриваше по церквамъ и монастырямъ чудотворные образы, како благословящая рука у Спасителя, для подлиннаго свидѣтельства, великое усердіе и тщаніе показоваше день и ночь о томъ тщася, до Кіева доѣздяше.... и ѣздячи тамо и на Москвѣ грамматическому и риторическому разуму учашеся и зѣло извыче» (99). Поморскіе отвѣты, составленные, какъ извѣстно, Андреемъ Денисовымъ, показываютъ въ авторѣ

(99) Ист. Выг. пуст. стр. 139.

сильный умъ и большую начитанность. Семенъ Денисовъ не уступая брату Андрею въ природныхъ дарованіяхъ, странствовалъ съ нимъ по Россіи, и въ этихъ странствованіяхъ грамматику, риторику, иистику и часть философіи довольно изучивши, не переставалъ заниматься книгами и въ самой обители (100). Андрей и Семенъ Денисовы, вмѣстѣ съ другими своими помощниками, основали въ своемъ скитѣ школу грамотности: «и начаша чины и уставы церковные и монастырскія хранить: молодыхъ дѣтей обоого полу учашу грамотѣ» (101). Андрей, вмѣстѣ съ Данииломъ Викулинымъ, говоритъ историкъ Выговской пустыни, «взяша Ивана Иванова въ монастырь для ученія къ пѣнію, и собравше лучшихъ грамотниковъ и самъ съними нача учитися пѣнію, и тщашеся о ученіи, чтобъ церковное пѣніе украшено было добрѣ, и овые изъ нихъ научишася вскорѣ, а овые долго учишася и начаша другъ друга учить, и многіе изъ нихъ научишася добрѣ» (102). Они учили церковному пѣнію не только мужчинъ, но и женщинъ: «и собра грамотницъ старыхъ и малыхъ, которые не учены пѣнію и нача ихъ самъ учить пѣнію, овые изъ молодыхъ скоро навыкаху и научишася добрѣ, а овые не малое время учишася» (103). Кромѣ школы чтенія и пѣнія они завели еще школу писцовъ, для переписки книгъ, и рассылали эти книги по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ въ нихъ нуждались. Они обладали богатымъ собраніемъ старинныхъ иконъ, крестовъ и книгъ, какимъ, по замѣчанію Андрея Іоаннова, не можно индѣ быть, какъ въ знаменитыхъ мѣстахъ, изъ коихъ иныя сдѣланы царями, иныя иждивеніемъ знаменитыхъ благочестивыхъ бояръ» (104). Обладая такими богатыми средствами, имѣя у себя множество грамотныхъ людей, писцовъ и иконо-

(100) Ист. рас. пр. Мак. стр. 256.

(101) Ист. Выг. пуст. стр. 107.

(102) Тамъ же стр. 141.

(103) Тамъ же.

(104) Попл. извѣст. о расе.

писцовъ, Выговскія пустыня снабжала ими тѣ мѣста, гдѣ чувствовался недостатокъ въ иконахъ, книгахъ и учителяхъ. «Нуждалась ли какая либо секта въ вождѣ, учителѣ и проповѣдникѣ раскола, или въ церковныхъ книгахъ, иконахъ, сосудахъ, или въ другомъ чемъ либо, къ ней съ радостію присылали ихъ прочіе толки. Въ Выговской пустыни школа певцовъ распростира- ла раскольническія книги для пользованія всѣхъ сектъ и для распространенія раскола. Школа пѣвцовъ снабжала ими раскольническія часовни и молитвенныя дома; школа живописцовъ приготавливала иконы стариннаго изображенія и снабжала проповѣдниковъ, какого бы они толка ни были, разными раскольническими книгами, картинами для удобнѣйшаго прельщенія простаго народа» (105). Между тѣмъ православныя священники лишены были всѣхъ этихъ средствъ. Мы видѣли, что еще Паисій Лигаридъ замѣчалъ скудость святыя книгохранилищныя въ православной церкви. Учительныхъ книгъ, кромѣ сборниковъ, исполненныхъ нечестностей и всякаго бреда, въ XVII и началѣ XVIII ст. у православнаго духовенства не было. Учиться и учить другихъ ему было не почему.

(Продолженіе будетъ.)

(105) Щап. Русск. Раек. стр. 283.

ВОЗЗВАНІЕ

Трипольскаго (1) митрополита Софронія съ вго паствою къ сынамъ единовѣрной православной Россіи.

По всеилостивѣйшему соизволенію Его Величества, Благочестивѣйшаго Государа Императора, братской любви и благословенію Святѣйшаго Правительствующаго Всероссійскаго Синода, мы получили давно желаніе разрѣшеніе послать въ Россію одного изъ сослужителей нашей вѣры, для сбора доброхотныхъ пожертвованій. Съ этою цѣлію и съ общаго согласія, мы отправили протоіерея нашего кафедральнаго собора, Іакова Сури. Надѣемся, что и всѣ Русскіе, вельдѣ за своимъ Монархомъ и богоизбранными отцами Синода, отвѣтятъ не холодностію на наши мольбы и просьбы, а братскимъ соучастіемъ въ нашихъ нуждахъ.

Подлинно, только настоятельныя нужды нашего города могли вызвать насъ на подспѣную рѣшимость; желаніе спасти жизнь, во время пронесшейся надъ Востокомъ кровавой грозы Турокъ и Друзовъ, стоило намъ нашихъ имуществъ и собственности: мы вынуждены были пожертвовать всѣми нашими имѣніями, чтобы этимъ средствомъ сохранить подвергшіяся разоренію, но не павшія убожища въ нашемъ городѣ. Мы остаемся совершенно безъ средствъ и не можемъ продолжать постройки заложеннаго у насъ храма. Кому неизвѣстно, какъ глубоко страдаетъ бѣднякъ, когда у него нѣтъ куска хлѣба, чтобы утолить мучительный голодъ? Кто опять не согласится, что не менѣе, если еще не болѣе, страдаютъ народъ и городъ, когда они лишены средствъ питаться отъ трапезы божественныхъ истинъ? Тотъ и другой голодъ равно вынуждаетъ страждущихъ взывать и вопіять о помощи къ тѣмъ, на которыхъ есть хоть малая надежда.

(1) Городъ Триполи лежитъ при Средиземномъ морѣ, между Лаодикією и Бейрутомъ.

Вамъ однимъ, сыны православной и богохранимой Россіи, съ нашимъ просительнымъ гласомъ, однимъ вамъ, какъ способнымъ понимать, повѣдаемъ наши религіозныя нужды и духовныя скорби; у однихъ васъ, именемъ Іисуса Христа, Подвигоположника общей Вѣры нашей, просимъ помощи нашему убожеству и нищетѣ. А онѣ велики и ужасны! Отвратить ихъ заставляютъ насъ наше нравственное спокойствіе, наша духовная цѣлостъ. Пропаганда иноувѣрія, съ каждымъ днемъ, глубже и глубже пускаетъ свои корни въ православномъ городѣ и народѣ нашемъ; ученые и искусные въ словѣ проповѣдники ея, какъ некогда морскія сирены, ла какютъ слухъ простодушныхъ и увлекаютъ сердца неопытныхъ, — какъ волки, опустошаютъ и сокращаютъ число нашего православнаго общества. Больно и тяжело становится предстоятелю Церкви, пастырю душъ христіанскихъ, когда онъ смотритъ на то, какъ члены его паствы, прежде изъ одной чаши завѣта вкушавшіе Тѣла и Крови Христовой, — теперь, удалясь общенія съ нимъ, идутъ въ иное стадо, къ инымъ пастырямъ. Не менѣе, разумѣется, грустно и горько и роднымъ, отцу съ матерью, переносить такіе случаи, когда ихъ дѣти какъ бы забывъ естественный съ ними союзъ плоти и крови, отрекаются отъ тѣхъ внушеній св. вѣры, въ которыхъ съ дѣтства воспитали ихъ родители ихъ и которыми сами они обязались быть вѣрными до гроба и смерти. Юное сердце дитяти, мягкое какъ воскъ, скорѣе и легче пропитывается заразою иноувѣрія и иномыслия: понятно, какъ велики должны быть эти потери для нашего православнаго общества. Описывать и оплакивать ихъ можно ролью словами видѣннаго пророкомъ свитка, *въ немъже вписано блже рыданіе и жалость и горе* (Іезек. 11, 10). Врожденное человѣку чувство любознательности и развитія, пробивающееся у дѣтей, особенно помогаетъ здѣсь инославной пропагандѣ: иноувѣрныя школы и училища, разбросанныя по всему Востоку — вотъ главная сила усиѣннаго разлива у насъ иноувѣрія, которсе взялось въ конецъ затопить наше православіе. При всемъ желаніи борьбы, у насъ нѣтъ силъ противостоять этому; мы богаты только

простотою. Но сберегать и воспитывать и это достояніе, до мѣры исполненія Христова, — для насъ дѣло трудное и почти невозможное. Одинъ мѣстный кафедральный храмъ нашъ, который за немѣніемъ училищъ, долженъ служить единственною школою вѣры и благочестія для всѣхъ — молодыхъ и возрастныхъ, такъ малъ въ своемъ объемѣ и тѣсенъ, что биткомъ наполнить его можно нѣсколькими десятками человѣкъ. А у насъ не сотни, а тысячи вѣрующихъ. Значитъ, большая часть нашей паствы, вследствие этого, или вовсе должна оставаться дома въ самые великіе и приснопамятные дни христіанскихъ празднествъ, или идти въ церковь за тѣмъ, чтобы въ нестройной массѣ толпиться около храма, стараясь услышать иногда и понять вылетающіе изъ него звуки. Нечего и говорить, съ какими явленіями соединяется искреннее желаніе пришедшихъ помолиться, сложить свои мірскія скорби у подножія Христова престола и быть участниками общаго богослуженія....

Снѣдаясь безутѣшною скорбію о такомъ жалкомъ состояніи нашего города по отношенію къ главному въ жизни — къ вѣрѣ, мы прибѣгаемъ къ испытанному великодушію и помощи Русскихъ, братій нашъ по вѣрѣ, какъ послѣдней нашей надеждѣ. Вѣримъ и надѣемся, что они войдутъ въ наше поистинѣ горькое положеніе, вполне раздѣлятъ съ нами его тяготу. И скудныя лепты подавій послужатъ къ великому духовному обогащенію страны и города, освященныхъ некогда божественными стопами Самого Основателя и Совершителя нашей вѣры (2). Если не мы — люди немощи — нашими молитвами, то Онъ Своєю благодатію воздастъ дань благодаренія, какъ Самъ сказалъ: *понеже сотвористе единому братіи Моихъ меньшихъ, Мнѣ сотвористе* (Матѣ. XXV, 40). Имена жертвователей будутъ написаны на стѣнахъ храма и училищъ,

(2) Мѣстное народное преданіе считаетъ Триполи въ числѣ десяти городовъ, которыми проходилъ нашъ Божественный Спаситель съя слово петины и Евангелія.

на сооруженіе и устройство которыхъ мы обратимъ собранныя подаянія. Громче и внятнѣе, чѣмъ похвалы нашихъ усѣвъ, они будутъ говорить нашему отдаленному потомству, о безыѣрной щедрости и состраданіи русскаго народа къ чужимъ по крови и по плоти, но роднымъ по существу вѣры, жителямъ Триполи. Предслагаемый и уже заложенный храмъ во имя Успенія Пресвятыя Богородицы и св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія, и предслагаемыя школы дадутъ русскимъ жертвователямъ полное право называться полными споспѣшниками нашего духовнаго обновленія и силы, а намъ и нашимъ потомкамъ будутъ вдыхать чувства сердечной благодарности и живой памяти о нихъ. Узы единой вѣры скрѣпятся видимыми узамъ взаимной признательности и благожеланія.

Протоіерей Трипольскаго кафедральнаго собора Іаковъ Сури, пріѣхавшій для сбора, мѣсто жительства имѣетъ въ Александроневской Лаврѣ, въ зданіи за соборомъ.

СОДЕРЖАНІЕ: О свитыхъ иконыхъ, преимущественно чтимыхъ въ нижегородской епархіи (продолж.) — Очерки изъ исторіи Славянской м. ерархіи. — Начало и распространеніе раскола въ предѣлахъ Нижегородскихъ (продолж.) — Воззваніе Трипольскаго митроп. Софронія къ единавѣрной православной Россіи.

Дозволено цензурой 6-го сентября 1865 года.

Редакторы: Инсп. сем. Прот. А. Стекловъ и
Проф. Г. Полсадовъ.

НИЖНІЙ-НОВГОРОДЪ; ВЪ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.